

Сергей САМАРОВ

ПОСЛЕДНИЙ ДОВОД

Москва 2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С17

Самаров, Сергей Васильевич.

С17 Последний довод / Сергей Самаров. —
Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Спецназ
ГРУ. Ударная группа).

ISBN 978-5-04-094450-7

Выйдя в запас, комбат ГРУ Владимир Царьгородов возвращается на родину, к родителям, в украинское село. Там же оказывается и его бывший подчиненный сержант Павел Волоколамов. Сослуживцы с удивлением узнают, что уже долгое время округу терроризирует банда молодчиков из «Правого сектора». Не в силах мириться с таким положением спецназовцы вступают в схватку с нацистами и расправляются с ними. Вскоре на связь с Владимиром выходит его бывший начальник и просит организовать защиту района от боевиков, отступающих из-под Донецка. Но в распоряжении комбата лишь горстка местных ополченцев... Надеяться по-прежнему приходится только на свою выучку и боевой опыт.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Самаров С., 2018
© Оформление.

ISBN 978-5-04-094450-7 ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Светлой памяти
майора в отставке
В. В. Царедворова
посвящается

Автор

Пролог

Март — апрель 2014 года

Нет — хрен вам! — ползать я не разучился!

Конечно, былые навыки частично потерял, сознаюсь, и внезапно подступившую усталость научился чувствовать, как-никак мне тридцать восемь лет, а не двадцать пять. Но тем не менее характер у меня остался прежний, воспитанный за двадцать два года службы в спецназе ГРУ, плюс годы учебы в знаменитой девятой роте Рязанского воздушно-десантного училища¹. В этот же срок входят годы учебы в Военно-дипломатической академии. Там, конечно, ползать много не приходилось, тем не менее поддерживать боевую форму требовалось. Для этого немалую роль играл характер человека, и мой, воспитанный академией, характер умел перебарывать любую усталость, любые нагрузки и преодолевать любые преграды. А самое

¹ Девятая рота Рязанского воздушно-десантного училища до открытия отдельного факультета спецназа в общевоинском училище в Новосибирске было единственным учебным подразделением, готовившим офицеров для спецназа ГРУ. (*Здесь и далее прим. автора.*)

главное, умел перешагивать через сакральное «не могу». Характер — как острый нож, заточенный под конкретное дело. А сейчас мое дело было предельно конкретным.

Пашка там, в подвале... Эта мысль не выходила из головы.

И там он во многом по моей косвенной вине. Ведь именно я увел его когда-то из тихого спокойного села с красивым названием Пригожее, помог получить российское гражданство и поступить на службу в мой батальон контрактников разведроты. Женился и сына завел он, правда, без моей помощи. Но с моей помощью получил квартиру. Пашка Волоколамов — сын моего друга детства. Приглашая его в Россию, действовал я, естественно, с наилучшими намерениями и никак не мог предвидеть того, во что все это может вылиться. А вылилось в большой серьезный конфликт, причем как раз тогда, когда я закончил свою службу и по состоянию здоровья был отправлен на пенсию. Пашка Волоколамов оставался служить. В том же батальоне, который я, перестав быть комбатом, передал своему лучшему командиру роты, занявшему мою должность по моей же рекомендации. И в отпуск на родину Волоколамов поехал вместе со мной. В одном поезде. Только он в плацкартном вагоне, а я в купейном. Но это значения не имело.

Я полз... Полз, с удовлетворением понимая, что я сам себя не слышу. Это означало, что ползать я полностью не разучился, хотя давно уже не приходилось применять свои былые навыки.

Сейчас мне требовалось неслышимым и невидимым преодолеть полста метров. Я знал, что там, у входа в погреб, стоит вооруженный часовой, и мне никак нельзя допустить оплошность и выдать себя каким-то неловким движением. Часовой, без сомнения, применит оружие, хотя у меня с собой оружия нет. Я даже наградной пистолет в отпуск не взял. Он остался дома, в сейфе. Просто не думал, что он может понадобиться. Но я могу и без оружия обойтись, ведь я сам — человек-оружие. Мои руки натренированы для нанесения убийственных ударов. При этом я, согласно системе обучения спецназа ГРУ, способен превратить в оружие все, что попадется под руку, — и палку, и яблоко, что подобрал по дороге. По той дороге, по которой сейчас полз. А она пролегла через кусты в чужих садах и огородах. Хорошо еще, что собак в селе мало, иначе мне пришлось бы тяжелее.

Палка очень желала хрустнуть под чьей-то наступившей на нее ногой. Она толстая, около трех с половиной сантиметров в диаметре и длиной в полметра. Промокшая и тяжелая,

в руке держалась плотно, словно была приспособлена специально для моей ладони. А откуда взялось яблоко... Когда я полз, то неожиданно наткнулся на ящик из-под яблок. Тоненькие дощечки, сбитые умышленно с большими щелями для вентиляции. В таких обычно яблоки возят в магазины. Их, видимо, куда-то высыпали, но одно застряло, а когда ящик выбрасывали, выкатилось. Я и подобрал...

Рядом был только один дом в периметре из штакетного забора. Я не стал покидать садовые кусты, просто выпрямился и посмотрел издали в освещенное окно. Там, в комнате, за столом сидели трое парней в камуфлированной одежде. Из тех самых, *пришлых*... На столе стояла бутылка водки, стаканы. Наверное, и закуска была. Парни о чем-то разговаривали. До меня их слова не доносились. Один сильно жестикулировал обеими руками, кажется, что-то доказывал, но мне это было неинтересно.

На улице стоял март. Самый конец первого месяца весны. Вторые рамы из окон большинство местных жителей еще не снимали, до лета, считалось, еще далеко, и погода может резко измениться. Пока же было тепло. Снег в этих почти южных краях стоял, земля подсыхала интенсивно, зеленая трава полезла в рост. Скоро должны зацвести яблони и вишни. Пока же люди едят импортные яблоки, то ли мол-

давские, то ли турецкие. Странно только, что берут яблоки ящиками. Как-то у нас в селе это было не принято. У нас у всех своих до весны хватает. Сразу стало понятно, что яблоки взяли приезжие. Эти... И взгляд в освещенное окно подтвердил мое мнение. В этом доме остановились они...

Мне уже говорила мама, что наглые парни из «Правого сектора» приходят в сельский магазин, берут все, что хочется или до чего дотянутся их татуированные руки, и уходят, никогда не расплачиваясь. И никто им не смеет слова сказать, потому что в ответ в возмущенные губы даже старухам летит жесткий приклад автомата. И милиция, в которую продавец и хозяйка магазина обращались, возразить не смеет. Она их боится и всячески старается угодить. В селе всего три милиционера. Амирхан Шихран, крымский татарин, — старший лейтенант, участковый, и с ним два сержанта. Я сам это видел. Шихрана еще мальчишкой помню, дружил в детстве с его отцом. Харис был старше меня на три года и запомнился мне совсем не таким, каким показался его сын. Он был, конечно, слегка бесшабашным, готовым порой влезть в любую авантюру, лишь бы ему это было интересно, бескомпромиссным и, главное, правдивым. Не спускал обиду даже старшим мальчишкам. И за своих верных дру-

зей, меня и Ваську Волоколамова, отца старшего сержанта Паши Волоколамова, лез в драку с кем угодно, даже со взрослыми, как нам тогда казалось, парнями-старшеклассниками. Ни на что не смотрел и никого не боялся. Амирхан — другой. О семье заботится. О своих шестерых детях. И понимает, что такое «Правый сектор». Ни разу их бандитами не назвал. Даже за глаза. Чтобы кто-нибудь не передал. Они обрели силу там, в Киеве, на своем майдане. Почувствовали ее и желали наслаждаться внезапно свалившейся на неумные головы властью до бесконечности. Не понимают, что человеческая жизнь не бесконечна и их власть завершится вместе с их жизнью, как завершается каждая власть.

Яблоко, подобранное с земли, я забрал с собой. Не для закуски, понятно. Я во время работы, а я именно работал, никогда ничего подобного себе не позволяю. Поскольку давно уже знаю, что жующий что-то человек превращается в поющего на весеннем току глухаря. Когда глухарь поет, у него закрываются барабанные перепонки. Когда человек что-то жует, барабанные перепонки позволяют слышать только собственнолично производимые звуки. Особенно если жует что-то хрустящее. Яблоко, например. И потому жевать яблоко я не собирался, но решил использовать его, возможно,

как оружие, хотя сразу и не придумал, каким образом. Но я много раз говорил своим солдатам, еще в ту пору, когда командовал батальоном, что в руках бойца спецназа ГРУ даже яблоко может стать оружием. Если говорил, значит, должен это доказать. А как доказать — это подскажут обстоятельства.

Я полз, зажав в одной руке яблоко, в другой — палку. Осталось преодолеть совсем небольшое расстояние. И чувствовал, как подступает из глубины души желание — хотелось забыть об осторожности, хотелось это расстояние преодолеть в несколько стремительных и длинных скачков... Но для чего? Преодолеть и нарваться на автоматную очередь? Ради чего тогда старался, ради чего уже столько прополз незамеченным? Причем в одном месте полз я совсем рядом с десятком вооруженных людей, буквально в трех шагах от них. Они ничего не слышали и не видели. Я был для них духом ночи, растворившимся в темноте. Люди загрузились в два больших внедорожника и уехали. Как я понял, поехали они в ближайшую к нашему селу деревню. Хотели кого-то, как я слышал, «портрести». Но у меня не было возможности помешать им. Будь у меня хотя бы пара гранат, я сумел бы забросить их в машины перед тем, как они отъедут. Но у меня гранат не было.

И даже палки в руках к тому моменту еще не было. Ее я нашел позже.

Я полз... Забор-штaketник вырос передо мной ожидаемой преградой. Я замер, прислушался. Где-то не слишком далеко двое вели разговор. Потом третий голос вмешался. Но коротко, только на мгновение. Голоса приближались, нарушая тишину скромного села Пригожее, но это нисколько их не смущало. Они считали себя здесь *хозяевами*. В каждом доме, в каждом дворе вели себя как хозяева. Правда, в дом к моим родителям они еще не заходили, и потому я знал обо всем только с чужих слов. Но со слов простых людей, которые не стали бы врать.

Эти, с позволения сказать, люди приехали из Харькова. Сначала из Киева наведались в Харьков, там, как говорили, «навели порядок», потом поехали по области. Тем же *делом* заниматься. Наш Барвенковский район располагался на самой границе с Донецкой областью и назывался этими пришлыми людьми неблагонадежным, как и весь Донбасс, к которому иногда относили и прилегающие районы областей, граничащих с Донецкой или Луганской областями. И именно сюда, где «неблагонадежно», эти вооруженные люди и приехали устанавливать *порядок*. Свой порядок. Такой, каким он им виделся. Наверное, точно так же

вели себя во время войны немецкие фашисты. Те тоже мечтали установить на нашей земле *свой* порядок. Эти от фашистов мало чем отличались. И даже символика у них была близкая. И порядки близкие.

К встрече со штакетником я был готов. Я уже преодолел такой же в четырех местах. Просто — одним скачком. Руки на штакетник, как на опору, проверка прочности, резкий толчок двумя ногами, и я уже на другой стороне. Но этот, последний, что располагался рядом со зданием бывшей начальной школы, сейчас используемой этими приезжими бандитами, следовало преодолевать особенно осторожно, потому что в пяти шагах от штакетника прогуливался часовой с автоматом на груди. Бывшая начальная школа имела под зданием подвал, где располагалась котельная. Это был самый большой подвал в селе, и именно его выбрали бандиты для того, чтобы содержать там людей, которых они, как сказали, задержали как неблагонадежных. Задержали в том числе и приехавшего к родителям в отпуск Пашу Волоколамова, старшего сержанта контрактной службы спецназа ГРУ. Обвинили его в шпионаже в пользу России и задержали. Он же действующий военнослужащий российской военной разведки. Кто-то на Пашу показал. На меня, офицера на пенсии, не показали, а на него показали. А ведь